

Евгений Владимирович Кремнёв
кандидат социологических наук, доцент
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске
(филиал Московского государственного лингвистического университета)
(г. Иркутск, Россия)
e-mail: kremnyov2005@mail.ru

Татьяна Евгеньевна Шишмарева
кандидат филологических наук, доцент
Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске
(филиал Московского государственного лингвистического университета)
(г. Иркутск, Россия)
e-mail: taniyashi72@yandex.ru

Идеи В. П. Васильева о корневом составе китайского языка¹

В статье анализируются идеи известного российского китаеведа XIX в. В. П. Васильева, на основе собственной интерпретации лексического состава китайского языка высказавшего предположение о корневом родстве описываемых им лексических единиц.

Ключевые слова: лексика китайского языка; корень; корневой состав китайского языка.

Evgeniy Vladimirovich Kremnyov
Candidate of Sociology (PhD), associate professor
Irkutsk Euro-Asian Linguistic Institute
(Branch of Moscow State Linguistic University)
(Irkutsk, Russia)
e-mail: kremnyov2005@mail.ru

Tatyana Evgenyavna Shishmareva
Candidate of Philology (PhD), Associate Professor
Irkutsk Euro-Asian Linguistic Institute
(Branch of Moscow State Linguistic University)
(Irkutsk, Russia)
e-mail: taniyashi72@yandex.ru

V. P. Vasilyev's ideas about the roots of the Chinese language

The article analyzes the ideas of well-known Russian sinologist of the 19th century. VP Vasilyev. On the basis of his own interpretation of the lexical structure of the Chinese language, he suggested a root connection of the described lexical units.

Keywords: vocabulary of the Chinese language; root; the root structure of the Chinese language.

В 1866 г. российский синолог В. П. Васильев (1818–1900 гг.) издал работу под названием «Анализ китайских иероглифов». Этот труд стал важной вехой в развитии отечественных китаеведческих идей. В четвертой главе работы ученый ставит вопрос о корневом составе китайского языка и его отражении в письменных знаках [2, с. 31–38].

«Прежде чем перейти к вопросу о корнях китайского языка, – пишет В. П. Васильев, – считаем необходимым выяснить два тесно связанные с изучением этих корней явления, именно: 1) переход звуков и 2) их сродство и

соответствие» [1, с. 115]. Причины перехода звуков, по мнению ученого, нужно искать «в той внутренней жизни моносиллабов (если только значения слов могут быть возведены к первоначальному корневому), которая неоспоримо существует, например, в тибетском языке» [1, с. 121]. В качестве примера он приводит такой ряд: *ши* – пища, *сы* – кормить, *чи* – есть, *чи* – зубы; в знаках же приводит в пример 召 *чжао* «призывать» (刀 *дао* «нож» – фонетик, 口 *коу* «рот» – ключ) и 到 *дао* «прийти» (刀 *дао* «нож» – фонетик, 至 *чи* «достигать» – ключ). «Во всяком случае, – продолжает В. П. Васильев, –

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Отечественные труды в области грамматологии китайской письменности» № 13-04-00248.

нельзя не обратить внимания на очевидное сродство в китайском языке звуков *э* (*цз*) и *л*, *ж*, и *ч*» [1, с. 121]. В качестве иллюстрации этого положения он приводит следующие группы знаков: 1) 監 *гянь* (*цзянь*) дает чтение 覽 «взирать», 濫 «мочить», 藍 «синий», 襪 «платье неподрубленное»; 2) 京 *гин* (*цзин*) дает чтение 諒 *лян* «искренность», 涼 *лян* «прохладный», 掠 *лио* «грабить»; 3) 弱 *жо* «слабый» дает чтение 溺 *ни* «погрузиться» и т. д.

Кроме того, В. П. Васильев полагает, что «переход звуков в фонетических частях лучше всего рассматривать в связи с соответствием звуков в двойных словах» [1, с. 122]. Он находит большое их количество в «Ши цзине» и «Лунь юе», что подтверждает их древность. Наиболее древнейшими двусложными словами В. П. Васильев считает звукоподражания: 關關 *гуань-гуань* «чирикать», 啾啾 *цзе-цзе* (*цзи-цзи*) «сладкозвучное пение». Причина увеличения количества двусложных слов в дальнейшем, по мнению ученого, состоит для разговорного языка в том, что «при односложности китайского языка явилась масса созвучных слов, ничем не отличавшихся в произношении. Для различения таких созвучных слов стали прибегать к составлению двойных слов» [1, с. 122]. Что касается письменного языка, то в нем «двойные слова явились для лучшей передачи различных оттенков данного понятия и из него также могли проникать в разговорный язык» [1, с. 122]. В. П. Васильев предлагает различать четыре способа образования двусложных слов: 1) удвоение; 2) образование из того же корня нового слова (усечением или удлинением окончания); 3) прибавление созвучных (по окончанию или начальным звукам) слов; 4) прибавление синонимичного слова (иногда вместо созвучного перед корневым словом или после него) [1, с. 122 – 123].

На удвоение автор приводит в пример такие слова, как 人人 *жэнь-жэнь* «все люди», 常常 *чан-чан* «зачастую», 滔滔 *тао-тао* «бурлить». Здесь же он указывает, что в разговорном языке варианты удвоения могут быть различны по форме и по функции. В частности, могут удваиваться двусложные слова: 癩拉癩拉 *бе-ла-бе-ла* «шамкать», 畏畏縮縮 *вэй-вэй-су-су* «боязливо», 温温存存 *вэнь-вэнь-цунь-цунь* «ласково, нежно» и т. д. Кроме того, он обращает внимание и на удвоение с грамматическими целями: 我看看 *во-кань-кань* «я посмотрю», 我瞧瞧 *во-цяо-и-цяо* «я посмотрю». Образование из одного корня В. П. Васильев усматривает в следующих примерах: 淋漓 *лин-ли* «капать», 伶俐 *лин-ли* «ловкий», 嘹亮 *ляо-лян* «звучный» и др. Соединение созвучных слов ученый иллюстрирует такими примерами как: 鬥鬥 *оу-оу* «дразнить»,

鬥鬥 *доу-оу* «драться», 放蕩 *фан-дан*, 浪蕩 *лан-дан* «распутствовать», 痰痰 *тан-хуан* «апоплексия» и др. При этом он оговаривается, что «в иных случаях созвучные слова могут оказаться впоследствии и происходящими от одного корня» [1, с. 124]. Возможность прибавления синонимичного слова (часто вместо образованного от одного корня или созвучного) В. П. Васильев подтверждает такими фактами языка: 奉承 *фын-чен* «льстить», 伶俐 *лин-бянь* (вместо 伶俐 *лин-ли*) «ловкий», 離散 *ли-сань* «разбредиться» и т. д. «Соединение синонимичных слов, – пишет ученый, – особенно употребительно в письменном языке и составляет один из источников богатства письменного языка сравнительно с разговорным» [1, с. 125]. При этом, В. П. Васильев еще раз указывает на то, что иногда бывает сложно различить между собой три последних способа образования двусложных слов. В частности, в слове 反叛 *фань-пань* «бунтовщик», слоги можно признать и однокоренными, и вариантами наречий, соединенными и по созвучию, и по синонимичности.

Рассматривая двусложные слова в «Русско-китайском словаре» П. С. Попова, ученый обнаруживает следующие закономерности: слоги с инициалью *о* соединяются со слогами с инициалью *мил*, *д*, *с*, *цз* и со слогами без инициалей; слоги с инициалью *д* – со слогами с инициалью *ми*, *с*, *л*; слоги с инициалью *л* – со слогами с инициалью *цз*, *г*, *ш*, *ч*, *с*, *д*; слоги с инициалью *л* – со слогами с инициалью *ми*, *с*, *ц*, *л* и т. д. [1, с. 125]. В. П. Васильев полагает, что эти ряды звуков необходимо сравнить с такими же рядами, полученными при исследовании перехода звуков в фонетических частях при различных ключевых знаках, не упуская из виду и созвучия финалей тоже. При этом он указывает, что «все эти сличения звуков в китайском языке имеют только предварительное значение. Окончательно же сходство и переход звуков в китайском языке можно будет установить только после точного изучения корней» [1, с. 126]. По мнению В. П. Васильева богатый материал для такого исследования «представляют лексиконы фонетические. К сожалению, до сих пор все европейские составители силлабических лексиконов, придерживаясь в расположении иероглифов под каждым звуком порядка китайских тонических лексиконов, вовсе не обращают внимания на подбор и расположение рядом иероглифов, обозначающих слова, несомненно однокоренные или хотя бы приблизительно подводимые под один корень. Поэтому теперь всякому исследователю приходится проделывать эту работу самому. Между тем такой подбор иероглифов нередко прямо бросается в глаза» [1, с. 126].

В доказательство этому ученый приводит несколько корней. Один из них – *фу*, значение которого он толкует как: 1) прикоснуться (葶 «ползучее растение из рода пеньки», 莠 или 敷 «излагать», 葶 «развертывать», 郛 «пригород») с вариантами: а) верхом вниз – накрыть (夫 «муж», 孚 «сидеть на ящиках», 鈇 «секира», 撫 «ласкать, гладить», 拊 «ласкать», 俯 «наклонить»); б) низом вверх – поддержать (跂, 跂 «пьедестал», 跗 «зад ноги», 桴 «плетушка»); в) сбоку – соприкоснуться (葶 «кожица на растении ситник», 麩 «отруби»). Из этого вытекают значения: 2) захватить (俘 «захватить в плен»); 3) соединение (府 «дом, кладовая», 袱 «обертка»). Подобные примеры В. П. Васильев приводит и с другими знаками (割, 節). Кроме того, В. П. Васильев полагает, что к одному корню могут быть возведены такие слова с разным чтением: 1) 喜си, 懽хуань, 訢синь «радоваться»; 2) 雇гу, 觀гуань, 見янь (цзянь), 覽лань, 看кань, 瞧кяо (цяо), 觀гоу «смотреть»; 3) 請цинь, 乞ци, 求цю, 將цзян, 懇кэнь «просить».

В некоторых случаях наблюдается изменение слов, происходящих от одного корня, и он усматривает в этом «особое словопроизводство, в смысле изменения корневого звука (в этом видно, как мы уж говорили выше, сходство с тибетским языком)» [Там же, с. 127]. Например: 齒чй «зубы», 吃чй «есть», 饑чй «пища и вино; готовить кушанье», 食чй «пища», 蝕чй «поедать, затмение», 飼сы «накормить», 餽шань «кушанье». Здесь же автор дает примечание, что «吃 в кантонском диалекте читается «як», что можно сблизать с 牙 «зуб», откуда в общекитайском языке 嚙яо «кусать» [1, с. 127]. Такие же параллели В. П. Васильев усматривает и в других рядах знаков.

Говоря о лексическом составе китайского письменного языка, автор полагает его весьма неоднородным. «При ближайшем исследовании лексического состава китайского письменного языка, – пишет он, – мы находим в нем, кроме корней так сказать общего языка, еще корни, вошедшие в него из наречий и даже из других языков (главным образом благодаря употреблению различными народами китайской иероглифической письменности)» [1, с. 128]. Например, в китайском 主чжу «господин» он усматривает нечто среднее «между тибетским рчжэ и санскритским рачжа» [1, с. 128], 駝то «верблюд» – это сокращение татарского «тэва» и монгольского «тэмэн» («обратное производство невозможно, так как в Китае нет верблюдов» [1, с. 129]), 目му «глаз» в родстве с тибетским «миэ», 木му «дерево» имеет один корень с маньчжурским «моо» и «модон» и т. д.

В. П. Васильев усматривает также, что «созвучные слова, отличающиеся только ударениями, да и то не всегда, имеют противопо-

ложные значения» [1, с. 129]. В пример он приводит пары: 1) 取цюй «брать» и 去цюй «откидывать»; 2) 之чжи «идти, уйти» и 止чжи «останавливаться»; 3) 立ли «стоять» и 歷ли «проходить»; 4) 夫фу «муж» и 婦фу «жена» и т. д. «Объяснить это явление, – считает В. П. Васильев, – можно тем, что первоначально корни китайского языка обнимали все данное положение или состояние предмета, со всеми проистекающими из него, нередко противоположными значениями» [1, с. 130]. Теми же причинами ученый объясняет и нередко встречающиеся противоположные значения одного и того же знака: 1) 對дуй «противиться» и «соглашаться», «противоречить» и «соответствовать»; 2) 亂луань «возмущаться, нарушать порядок» и «устраивать»; 3) 夷и «истребить» и «покой»; 4) 買май «покупать» и 賣май «продавать» («Нечто подобное мы уже видели выше в иероглифах заимствованной категории, когда иероглиф с переменной чтения или ударения получает новое значение, вытекающее или не вытекающее из корневого» [1, с. 130]) и т. д. Подобным образом, по предположению В. П. Васильева, возникли и побудительные формы глаголов: 1) 來лай «приходить» и «призывать (велеть идти)»; 2) 一и «один» и «объединить»; 3) 平пин «ровный, мирный» и «усмирить (сделать мирным)». Далее ученый демонстрирует, как, по его мнению, сохраняется корень в различных начертаниях знаков с сохранением общего значения: 手 «рука», 受 «получать», 收 «принимать», 授 «вручать», 守 «беречь», 綬 «закваска», 售 «продавать» (шоу). «Из всего предыдущего ясно, – заключает он, – что вследствие обширности понятия, заключающегося во всяком китайском корне, на каждый корень может существовать по несколько начертаний, т. е. сфера понятий, заключающихся в одном корне, разбивается на части, получая каждая соответствующее ее начертание» [1, с. 131]. Например: 底 «дно, низ», 低 «низкий, опустить», 悵 «печальный», 抵 «подставить», 堤 «плотина», 底 «основание», 砥 «корень», 弟 «младший брат» (ди).

Обращает внимание ученый и на явление обратного порядка, при котором на одно начертание приходится по несколько значений, в некоторых случаях и несколько чтений с разными значениями на каждое: 1) 區гоу «мера в 4 гарнца»; 区 «мера, укрывательство»; 区 «страна, холм»; 区 «кладовая, место»; 2) 卷гуань «царское одеяние»; 卷гуань «свертывать, курчавый»; 卷гуань «скорченный, скривленный»; 3) 吃гэ, 吃ци «заикаться»; 吃ци «заикаться, есть»; 吃чи «есть» и т. д.

В завершение главы о корневом составе китайского языка В. П. Васильев указывает на то, что в современном разговорном языке су-

ществует множество двусложных слов, а в письменности есть знаки, ставшие сокращением от разговорных двуслогов: 暫 *цзань* «недолго, на время» (от 早 *цао* «рано» и 晚 *вань* «поздно») или 咱 *цзань* (от 咱 *ца* «я» и 們 *мынь* «знак множественного числа»). Здесь же он задает вопрос, могли ли в древности иероглифы вроде 歪 *вай* кривой (不 *бу* «не» и 正 *чжэнь* «прямой») или 泪 *лэй* «слезы» (水 *шуй* «вода» и 目 *му* «глаз») произноситься в древности двумя или тремя слогами. Сам он отвечает на этот вопрос таким образом: «Опровержением этому служит

Шицзин, в котором встречаются эти слова и стихотворный размер которого не допускает такого изменения чтения. В этом же Шицзине, как и в других классических книгах и древнейших сочинениях, мы находим много значений иероглифов, основанных только на толкованиях. Понятно, что эти значения не должны быть принимаемы во внимание при определении корневого состава китайского языка» [1, с. 133].

Этим выводом заканчивается четвертая глава работы В. П. Васильева «Анализ китайских иероглифов».

Список литературы

1. Васильев, В. П. Анализ китайских иероглифов. Часть 1-я. Издание 2-е. СПб.: Типография Безобразова и Комп., 1898. 133 с.
2. Готлиб, О. М. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин: монография / О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв, Т. Е. Шишмарева. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

УДК 130.2
ББК 87.0

Галина Михайловна Пономарева

доктор философских наук, профессор

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия), e-mail: forever31@mail.ru*

Философско-антропологические аспекты консолидации внутринациональных речевых культур (по работам А. А. Богданова)

Динамика национальных речевых культур рассматривается в контексте монистической философии А. А. Богданова, в которой язык трактуется как средство программирования нового бытия, а «монизм понятий» полагается в качестве необходимого условия достижения социальной гармонии на основе «единомыслия» и создания единой общечеловеческой речевой культуры.

Ключевые слова: язык, новояз, новая речевая культура, типы речевых культур, примитивизация языка, монизм, ритуализация речевых культур.

Galina Mikailovna Ponomareva,

doctor of philosophy, professor,

*Moscow state university (Moskva, Russia),
e-mail: forever31@mail.ru*

Philosophical-anthropological aspects of the consolidation of the national speech culture (the works of A. A. Bogdanov)

Speech dynamics of national cultures is examined in the context of the monistic philosophy of A. A. Bogdanov, in which the language is interpreted as a means of programming a new existence, and «concepts of monism» relies as necessary conditions for the achievement of social harmony on the basis of «unanimity» and create a single universal language culture.

Keywords: the language, Newspeak, new speech culture, types of speech cultures, the more primitive language, monism, the ritualization of speech cultures.

Проблема консолидации внутринациональных речевых культур ставилась и решалась А. А. Богдановым в рамках более общего вопроса: поисков новых оснований националь-

ной, культурной, социальной идентичности российского общества, переживавшего революционный период тотального слома культурных традиций и отказа от многих, ранее приня-